

будут обнаружены другие, подтверждающие этот вывод доказательств, вероятный вывод эксперта может послужить одним из оснований достоверного разрешения вопроса о тождестве. Допустим, вероятный вывод графической экспертизы подкреплён такими доказательствами, как установление однородности бумаги, использованной для составления сравниваемых рукописей; установление действий, совершенных заподозренным лицом по подготовке к выполнению рукописи, ее пересылке, обнаружение на ней следов рук этого лица и др. При этих условиях вполне возможен достоверный вывод о тождестве [5, с. 129].

Из вышеуказанного видно, что фактические данные, установленные вероятным выводом эксперта в совокупности с другими доказательствами могут служить основанием для достоверного вывода о тождестве. Этим определяется и порядок использования вероятного вывода эксперта. В связи с тем, что вероятный вывод является лишь одним из доказательств тождества, суду и следователю нужно обнаружить другие доказательства этого факта, которые в своей совокупности обеспечили бы безусловную достоверность разрешения вопроса о тождестве.

Проиллюстрируем это положение примером из практики. В одноэтажном городском жилом доме была совершена кража. При осмотре места происшествия удалось установить, что преступник проник в помещение через окно. Об этом свидетельствовали следы ног на подоконнике и на полу. На оконной раме обнаружены темные пятна вещества, похожего на смазочное масло. Подозрение в краже пало на П., работавшего слесарем. Пятна смазочного масла на оконной раме и руках Н. давали основание предположить, что последний прикасался к створкам окна, через которое проник преступник. Дактилоскопическая экспертиза определила, что пятна смазочного масла на раме представляют собой нечеткие следы пальцев, причем было установлено совпадение отдельных особенностей папиллярных линий следа с папиллярным узором указательного пальца правой руки Н. Эти признаки дали эксперту основание предположить, что следы пальцев на оконной раме оставлены Н. Наряду с этим была установлена однородность химического состава масла в пятнах на створке окна и на руках Н. При обыске у Н. нашли некоторые похищенные вещи. Под тяжестью улик Н. сознался в краже [5, с. 129].

Отрицание некоторыми авторами доказательственного значения вероятных выводов основывается на том, что они в отличие от выводов категорических якобы не устанавливают достоверно никаких фактов. Между тем, как об этом сказано выше, заключение экспертизы как при категорических, так и в случаях вероятных выводов основывается на совокупности достоверно установленных совпадений свойств сравниваемых объектов. Что же касается категорических или вероятных выводов эксперта, то они выражают оценку достоверности установленного факта, произведенную экспертом. Окончательная же оценка достоверности факта осуществляется, как известно, судом как в отношении категорических, так и в отношении вероятных выводов эксперта. Суд может, например, оценить категорический вывод эксперта лишь как научно обоснованное предположение или мотивированно отклонить его [7, с. 473]. Таким образом, отказ от использования вероятных выводов экспертов является в той же мере неправильным, как и некритический подход к категорическим выводам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грицаенко, П.П. К вопросу о категорической и вероятной формах выводов судебно-медицинского эксперта / П.П. Грицаенко // Российский юридический журнал. – 2011. – № 1. – С. 214–216.
2. Арсеньев, В.Д. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела / В.Д. Арсеньев, В.Г. Заблочкий. – Красноярск : Краснояр. ун-та, 1986. – 152 с.
3. Орлов, Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам / Ю.К. Орлов – М., 1995. – 64 с.
4. Виноградов, И.В. Экспертизы на предварительном следствии / И.В. Виноградов, Г.И. Кочаров, Н.А. Селиванов. – М., 1967. – 248 с.
5. Колдин, В.Я. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз / В.Я. Колдин – М., 1957. – 133 с.
6. Сорокотягина, Д.А. Теория судебной экспертизы / Д.А. Сорокотягина, И.Н. Сорокотягин. – Ростов н/Д, 2009. – 441 с.
7. Аверьянова, Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т.В. Аверьянова. – М. : Норма, 2009. – 480 с.

УДК 343.971

НЕПОЛНОТА СЕМЬИ КАК КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР

Е.А. ГУРОВА

(Представлено: канд. юрид. наук Ю.Л. ПРИКОЛОТИНА)

Форма и качество семейных отношений рассматриваются криминологической наукой на предмет выявления способности вызывать либо обуславливать совершение преступлений несовершеннолетними членами семьи. Неполнота семьи, будучи рассмотренной с различных позиций, позволяет выйти на объяснение преступности несовершеннолетних.

С конца 60-х-начала 70-х годов XX века семья стала объектом пристального внимания ученых криминологов. Исследования семьи предпринимаются последними в связи с необходимостью выявления как внутрисемейных криминогенных факторов, так и антикриминогенного потенциала семьи. В связи с этим в предмет семейной криминологии закономерно входит влияние семьи на преступность несовершеннолетних, равно как и ее способность нейтрализовать криминогенные проявления воспитуемых [1, с. 147].

Необходимость вовлечения феномена семьи в процесс объяснения преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также его востребованность при построении модели предупреждения преступности данного вида представляются достаточно очевидными.

Руководствуясь позицией исключительной значимости семьи для поведения детей, криминологическая наука как научная дисциплина, вызванная к жизни наличием феноменов преступления и преступности, уделяет существенное внимание поиску взаимосвязей между состоянием отношений в семье несовершеннолетнего и его противоправным поведением. Свидетельством тому является существенный объем научных работ по данной проблематике.

Тем не менее, необходимо заметить, что семейные отношения (семья как социальный институт), претерпели и претерпевают значительные изменения [2]. В связи с этим криминология должна реагировать на вызовы времени и в связи с новейшими тенденциями осуществлять проверку своих методологических наработок.

Одной из новейших тенденций, наблюдаемых в семейной сфере, является рост удельного веса семей, в которых ребенок (дети) воспитывается одним родителем. В настоящее время таких семей в Республике Беларусь насчитывается около 15 % [3].

В советской и постсоветской науке и социальной риторике устоялось непоколебимое представление о том, что неполная семья является потенциально криминогенной. Однако кризис семьи, проявляющийся в изменении стереотипов относительно модели семейных отношений, оказывает воздействие на методологический аппарат криминологической науки. Так, к новейшим методологическим веяниям, можно сказать, моде, относятся феминистические и гендерные исследования, основанные на соответствующей идеологии/методологии [4]. Лейтмотивом упомянутых направлений является критика традиционной семьи, понимаемой как формы отношений, основанной на гендерном неравенстве и власти отца. И если на постсоветском пространстве официально признается необходимость полной семьи для благополучного воспитания ребенка, то западноевропейская тенденция состоит в отказе от традиционной структуры семьи, традиционной формы семейных отношений, от определения эталона (идеала) семьи в принципе.

Справедливости ради и в целях достижения полноты картины, необходимо отметить, что значимые тенденции последнего времени, которые возможно назвать интеллектуальной модой, заключаются также в скептическом отношении ко всем социальным институтам, в том числе к семье. Общий тон, доминирующий в дискуссиях о семье, сводится к признанию ее исключительно личным делом, в рамках которого никакие закономерности не могут быть выявлены. Исключение составляет «догмат» суверенности самоопределения личности (субъективизма). Последняя проявляется, в частности, в допустимости усыновления детей однополыми парами и признании свободы половой самоидентификации. Однако следует заметить, что официальные институты постсоветских государств все же придерживаются политики признания в качестве нормативной модели семьи, состоящей из двух разнополых родителей.

Таким образом, криминологическая наука столкнулась с очередным вызовом времени, вызовом, обусловленным изменениями в социально-культурном пространстве, и должна снова поставить вопрос о модели криминогенной, а следовательно и некриминогенной семьи.

Таким образом, предпринимая криминологическое исследование проблемы неполной семьи в связи с преступностью несовершеннолетних, невозможно избежать выяснения природы семьи, что неминуемо приведет криминолога к фиксации многих сторон семейной жизни. Однако исходным и основным пунктом его внимания будет являться феноменология семьи, предполагающая рассмотрение семьи не в связи с ее функциональностью, а в качестве некоего чувствующего себя единства.

Полагаем, что закономерным и эффективным способом определения понятия «полнота семьи» является его выяснение через определение сущности самой семьи. Здесь мы должны сказать, что хотя семья и является предметом изучения многих научных дисциплин, которые подходят к ней функционально (исходя из объекта и метода конкретной науки), криминология вынуждена производить селекцию результатов научных результатов исходя из ее собственного метода. Полагаем, что для достижения целей исследования наиболее востребованной является ценностная составляющая семьи как непосредственно связанная с проблемами правосознания как душевно-духовным феноменом.

Семья, являясь для ребенка первым, естественным и ближайшим сообществом, оказывает на формирующуюся личность уникальное по своей многоаспектности (полноте) воздействие. И.А. Ильин называет это качество, состояние детского сознания органической непосредственностью [5, с. 202]. Безальтернативная существенность, то есть незаменимость семьи обусловлена тем, что семейственность является по сути единственно адекватным способом становления человеческого индивида как личности.

Форма и содержание семейных отношений непосредственно и некритически воспринимаемые ребенком (в особенности в процессе первичной социализации), формируют фундаментальные структуры личности.

Непосредственность восприятия, столь характерная для начального этапа развития ребенка, требует заметить, что семья предстает для ребенка в качестве *микровоспроизведения общества*, то есть образца человеческих взаимоотношений в принципе и даже более того – в качестве *образа мироздания*. В связи с этим семья является не только необходимой, но и незаменимой для ребенка. Незаменимость семьи необходимо признать обусловленной уникальностью союза, возникающего между отцом и матерью, и являющейся первопричиной рождения детей как закономерного следствия супружеской любви, а соответственно – сущностью отношения к ребенку [6, с. 8].

Гениальнейшее по своей полноте определение семьи с позиции феноменологии мы находим у Г.В.Ф. Гегеля: «Семья как *непосредственная субстанциальность* имеет своим определением свое *чувствующее* себя единство, *любовь*, так что устроение внутри семьи состоит в обладании самосознанием своей индивидуальности в *этом единстве* как в себе и для себя сущей сущности, чтобы являть себя в ней не как лицо для себя, а как *член* этого единства» [7, с. 208].

Достижение единства является как сущностью, так и целью семьи (если рассматривать последнюю как феномен становящийся). В таком случае необходимо признать, что исходной позицией семьи является принципиальная незаменимость и принципиальная инаковость входящих в нее лиц. Максимальное проявление инаковости заключается в принадлежности к иному полу. Говоря словами В.С. Соловьева, изложенными на страницах «Смысла любви», человек не равен самому себе, человек ищет себя через другого, ищет своего восполнения и бытийственного осуществления в своей общности с другим человеком. И прежде всего – с человеком другого пола, со своей столь родной и столь не похожей на себя «половиной». И эта ситуация качественно меняет супругов, будущих родителей, создавая фундамент семьи и образуя уникальность семьи [8].

Г.В.Ф. Гегель на страницах «Философии права» говорит об интеллектуальном и нравственном значении разделения полов, обусловленном их природным назначением. Сущностью женского начала является инстинктивная чувственность и субъективность, а природа мужского заключается в направленности на объективную конечную цель, на познание и воплощение всеобщего [9, с. 215]. Нетрудно заметить, что соединение, совмещение полов, осуществляющееся в форме семьи, то есть естественного единения полов, преобразованного моральным сознанием, образует целостность, *полноту человеческого существования*, предстающую для ребенка в качестве факта жизни и содержания сознания, в том числе представленностью всех компонентов правосознания – интеллектуального, эмоционального и волевого.

Итак, полноту семьи в связи с перспективой постановки и решения проблемы криминогенности неполной семьи необходимо определить как воплощенное взаимодополнение, выраженное в единении материнства и отцовства как родительства. Полнота семьи является воплощением полноты человеческого существа и стимулирует (обеспечивает) полноту развития правосознания ребенка.

Проблема криминогенности «неполной семьи» рассматривается преимущественно в связи с представлениями о том, что двое родителей лучше справляются с воспитанием, чем один. Речь при этом идет о физических, организационных и экономических составляющих семейного общежития. Однако, как мы видим, для объяснения криминогенности неполноты семьи такой подход не вполне пригоден, так как не учитывает ту составляющую семьи, которая образует фундамент сознания личности, в том числе и остов здорового правосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мясникова, К.А. Преступное насилие в криминофамилистике / К.А. Мясникова // Общество и право. – 2012. – №2 (39). – С. 147–154.
2. Национальное исследование причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь (2007-2008) [Электронный ресурс] / Белорусский гос. ун-т, Ин-т экономики НАН Беларуси, Белорусский гос. педагогический ун-т им. М. Танка // Фонд организации объединенных наций в области народонаселения (ЮНФПА) в Беларуси. – Режим доступа: <http://un.by/ru/unfpa/gender-equality/resource-centre/results-of-researches/tr-03.html>. – Дата доступа: 05.10.2015.
3. Национальное исследование причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь (2007-2008) [Электронный ресурс] / Белорусский гос. ун-т, Ин-т экономики НАН Беларуси, Белорусский гос. педагогический ун-т им. М. Танка // Фонд организации объединенных наций в области народонаселения (ЮНФПА) в Беларуси. – Режим доступа: <http://un.by/ru/unfpa/gender-equality/resource-centre/results-of-researches/tr-03.html>. – Дата доступа: 05.10.2015.
4. Здравомыслова, Е. Феминистские рефлексии о полевым исследовании / Е. Здравомыслова, А. Темкина // *Laboratorium*. – 2014. – №6(1). – С. 84–112.
5. Ильин, И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин // Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
6. Овчарова, Р.В. Родительство как психологический феномен: учеб. пособие / Р.В. Овчарова. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.
7. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем.: ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

8. Рашковский, Е.Б. Феномен семьи (междисциплинарные заметки) [Электронный ресурс] / Е.Б. Рашковский. – Вопросы философии. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=219&Itemid=52. – Дата доступа: 05.10.2015.
9. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель ; пер. с нем. : ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.

УДК 343.971

ЗНАЧЕНИЕ ПОЛНОТЫ СЕМЬИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ РЕБЕНКА

Е.А. ГУРОВА

(Представлено: канд. юрид. наук Ю.Л. ПРИКОЛОТИНА)

Неполнота семьи рассматривается в качестве «традиционного» криминогенного фактора. Способность неполноты семьи порождать либо обуславливать преступность несовершеннолетних может быть объяснена посредством рассмотрения процесса формирования/деформирования правосознания как структуры личности непосредственно ответственной за выбор преступного способа поведения. Успешное решение данной задачи возможно лишь посредством первоначального выяснения значения полноты родительской семьи для формирования правосознания ребенка.

Исследование семьи на предмет выявления ее способности порождать либо обуславливать преступность несовершеннолетних может и должно быть конкретизировано в связи со способностью семьи, выраженной во всей полноте ее жизни, оказывать воздействие на формирование и развитие фундаментальных структур личности ребенка.

Закономерно, что в связи с избранным предметом – преступностью несовершеннолетних – максимально востребованным для объяснения личностным феноменом является правосознание. В связи с этим в настоящей работе будут представлены размышления относительно возможности использования определения понятия «полнота семьи» в связи с формированием правосознания ребенка.

В первую очередь обратимся к уяснению сущности правосознания. Следует заметить, что необходимо вести речь не просто о правосознании, но о нормальном, позитивном правосознании, исключающем возможность совершения правонарушения/преступления.

По мысли И.А. Ильина, выполнившего уникальное по своей глубине и правдивости исследование феномена правосознания, основой нормального правосознания может быть только *воля к духовной жизни как верховному благу*. Нормальное правосознание подходит к праву не с точки зрения частных, чисто личных интересов, но отправляясь прежде всего от его основной, единой и всеобщей *цели*. Нормальное правосознание есть воля к праву, проистекающая из воли к духу [1, с. 236].

Эту волю надлежит понимать не как «решение» одной только сознательно-разумной части души, но как целостное стремление, охватывающее и неразумные тайники ее и в них именно черпающее свою жизненную силу. Такое состояние целостного, гармонического и разумно-оправданного хотения, направленного на верховное и универсальное благо, является само по себе одним из высших достижений в нравственной жизни человека. А это означает, что нормальное правосознание может быть развито и упорочено в душе только в связи с ее общим, моральным и нравственным воспитанием [2, с. 237].

Сущность родительского (семейного) воспитания как целенаправленной деятельности состоит в создании родителями условий для самостоятельного и творческого усвоения ребенком истин духовной жизни, составляющих основы здорового правосознания. Однако по сути воспитательным характером обладает вся семейная атмосфера, которая непосредственно действует на ребенка.

Условия развития нормального правосознания, то есть свойства семейной жизни, которые максимально способствуют инициации самостоятельного процесса формирования убежденности ребенка в истинности (необходимости, неизбежности, верности и т.д. следования требованиям права, любви к праву и правомерного поведения) вполне могут быть смоделированы. Однако перед осуществлением этого интеллектуального мероприятия необходимо сделать ряд отступлений, вызванных актуальным состоянием социального института семьи.

Как представляется, проблема состоит в том, что современная семья, в связи с переживаемыми ею трансформациями, не вполне приспособлена для формирования нормального, здорового правосознания. Современная семья, ее идеал, видится как семья эгалитарная [3]. В такой семье дети уходят на второй план, они могут рассматриваться как нечто избыточное, так как семья рассматривается в качестве одной из форм самореализации мужчины и женщины, то есть как субъективно ориентированное функциональное образование. Необходимость отца и матери связываются современными психологами и социологами